

УДК 81'33

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ И ВЫЗОВЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭРЫ

КРЕТОВ Алексей Александрович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о соответствии современной русской орфографии потребностям новых информационных технологий в симметричности означающих и означаемых. Делается вывод, что старая орфография в большей мере соответствовала этим требованиям. Предлагается 13 изменений, направленных на устранение асимметрии морфем синонимического и омонимического типов. В приложении дан пример реализации сделанных предложений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, новые информационные технологии, орфография, последовательное проведение морфемного принципа.

KRETOV A.A.,

Dr. Philolog. Sci., Professor Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University

RUSSIAN SPELLING AND CHALLENGES OF THE COMPUTER AGE

ABSTRACT. The article deals with the issue of the Russian spelling keeping up with new technologies in the symmetry of denoting and denoted signs. It is concluded that the old spelling largely complied with these. 13 changes are proposed to eliminate the asymmetry of synonymous and homonymous morphemes. The appendix gives examples of how the changes can be put to practice.

KEY WORDS: Russian language, new information technologies, spelling, sequential use of the morphological principle.

...что худо, то долго устоять не может.
И старое скоро назад возвратится, ежели оно нового лучше
(М.В. Ломоносов. Суд российских Письмен
перед Разумом и Обычаем от Грамматики
представленных, первая половина 1750-х гг.)

Как известно, эра – это «крупный исторический период, коренным образом отличающийся от предшествующего» [1]. Мы ещё не до конца осознаём, что с появлением компьютеров и новых информационных технологий человечество вступило в качественно новый период своего существования.

Теперь власть над миром от тех, у кого больше войск, золота, энергоносителей, переходит к тем, у кого больше информации. Не будет преувеличением сказать, что *тот, кто владеет информацией, владеет миром.*

Информация же (накопленное человечеством знание) содержится в текстах на естественном языке. Новые информационные технологии (НИТ) предлагают не только невиданные, но и немислимые ранее возможности поиска, извлечения и преобразования информации. В настоящее время идет мировая гонка по оцифровке текстов на естественных языках с тем, чтобы сделать эти тексты доступными для НИТ. Победитель в этой гонке получает конкурентное преимущество.

И тут общество сталкивается с фундаментальным противоречием: с точки зрения НИТ тексты не содержат ничего, кроме формы, а человечеству тексты нужны не ради них самих, а ради заключенного в них содержания.

Естественно, что существующие тексты создавались в докомпьютерную эпоху и уже в силу этого далеко не всегда и не во всём отвечают запросам

НИТ. Кто приспособит орфографию к требованиям НИТ, тот и выиграет. Это первыми поняли немцы, уже осуществившие реформу своей орфографии.

В России малейшие попытки что-либо изменить в орфографии встречают отчаянное сопротивление «общественности». При этом, как правило, сопротивление ожесточеннее со стороны тех, кто слабо разбирается в сути предлагаемых изменений. Как справедливо заметил профессор В.Г. Руделёв, «носители языка не любят нововведений и готовы терпеть орфографические трудности, лишь бы не было нужды переучиваться» [2, с. 139].

Реформа же русской орфографии необходима. *Это вопрос национальной безопасности и выживания нашего народа и государства в эпоху НИТ.*

Наши тексты – на русском языке, а русский язык богат формами и словосочетаниями. Такой язык декларативно, т.е. перечислением, не описать. Необходимо исчисление, предусматривающее все возможные в языке формы и их сочетания. Минимальными универсальными знаками языка являются *морфемы*, представленные в речи обычно сочетаниями звуков, а на письме – последовательностями букв. Морфемы как лингвистические знаки имеют две стороны: форму, представленную в текстах, и содержание, присутствующее в сознании пишущего и читающего.

Поэтому единственный способ научить компьютеры оперировать информацией – как можно жестче привязать содержание к форме, чтобы операции

над формами были бы тем самым операциями над информацией.

Сложность в том, что языковой знак асимметричен: одной форме может соответствовать несколько содержаний, а одно содержание может передаваться несколькими формами. Первое соответствие называют *омонимией* (шире – неоднозначностью), а второе – *синонимией*.

НИТ требуют, если не избавиться от асимметрии лингвистического знака, то по крайней мере найти способ преодолеть и минимизировать её влияние.

Одним из основных способов решения данной проблемы может стать совершенствование орфографии (письменности) и разработка формата представления текста применительно к запросам НИТ.

Может показаться, что достаточно второго, а орфографию лучше не трогать. При таком подходе мы окажемся в положении Ахиллеса, не способного догнать черепаху: пока мы будем создавать параллельные НИТ-дружественные версии уже имеющихся текстов, будут появляться всё новые тексты, нуждающиеся в реформатировании, и мы всегда будем отставать. Реформа же орфографии положит конец приросту новых неудобных для компьютерного извлечения информации текстов и сделает задачу приведения всего множества текстов на русском языке к единому НИТ-дружественному формату выполнимой.

Ещё Бодуэн писал о смешанном характере всех языков мира [3, с. 362–372]. Он же писал также о хронологической неоднородности, т.е. многосистемности любого языка мира в любой данный момент его развития [3, с. 47–77]. Каждый язык – это система систем.

Лучше всего это обстоятельство осознано в японистике, делящей все слова на три группы: *ваго*¹ – исконные слова, *канго*¹ – китаизмы и *гайрайго*² – европеизмы. Если учесть, что китайский для японского является языком иероглифической письменности и культуры, то и в русском можно выделить те же три множества слов: 1) русское *ваго* – исконная восточнославянская лексика; 2) русское *канго* – старо- и церковнославянизмы южнославянского происхождения; 3) русское *гайрайго* – интернализмы (слова греко-латинского происхождения). Японская традиция показательна последовательным различием «своего» и «чужого» в лексике, невзирая на время заимствования и степень освоенности «чужих» слов.

НИТ, предполагающие строгое системное описание фактов языка, требуют в русском языке различать как минимум *исконную* (восточнославянскую), *церковнославянскую* (южнославянскую) и *интернациональную* (греко-латинскую) лексику и соответственно – морфемы, из которых она состоит.

Это необходимо, например, для того чтобы зафиксировать (прежде всего – содержательное) тождество приставок южн.-сл. *пре-* и вост.-сл. *пере-* во

фразе: «*ПРЕ*ступник *ПЕРЕ*ступил незримую черту, отделяющую невиновных от виновных».

Это необходимо для того, чтобы объяснить, почему в паре *контакт* – *контаЧИть* КТ изменяется в Ч, а в паре *контаКТ* – *контаКТировать* этого не происходит. Предлагаемый подход позволяет увидеть различие «И» в *контактИровать* («И» как часть заимствованной основы КОНТАРКТИР-) и *контаЧИть* – -И- как восточнославянский суффикс, превращающий предшествующее ему сочетание КТ в Ч: ср. *нес(у)* – *нес-тѣ*, *пек(у)* – (*пек-тѣ>) – *печѣ* / *пичь*.

Главный принцип русской орфографии – морфологический, в соответствии с которым одна и та же морфема всегда должна писаться одинаково либо варьироваться закономерно (по правилам), чтобы форма морфемы в каждой данной позиции была предсказуема.

Например, русскому написанию *г'олов(ы)* – *гол'ов()* – *голов('ы)* соответствует белорусское *гал'ов(ы)* – *гал'оў()* – *галав('ы)*. Русское правописание, в отличие от белорусского, сохраняет одно и то же написание корня независимо от места ударения.

Казалось бы, всё хорошо: если форма морфемы одна и та же, и завет М.В. Ломоносова, в соответствии с которым «в правописании наблюдать надлежит, <...> чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений» [6, с. 429–430], выполняется.

Однако не всё так благополучно: белорусское правописание даёт разные формы одной морфемы, но различает грамматические формы и грамматические значения. Русское же правописание, обеспечивая тождественное написание корня, порождает грамматическую омонимию: не обозначая ударения, мы ставим в соответствие двум разным звучаниям [г'ол'гвы] и [г'лав'ы] одно написание: *головы*. Тем самым орфография порождает омонимию, а значит, – искусственную асимметрию формы и значения, которой в языке нет.

В языках со стабильным местом ударения, например, таких как македонский или испанский, любое отклонение от стандартного места ударения обозначается на письме. В русском же языке с его подвижным ударением мы позволяем себе роскошь не ставить ударения. В результате, как установили исследователи, грамматическая омонимия в русском письменном тексте достигает 30%. Проще говоря, каждая третья письменная форма неоднозначна.

В связи с этим сама жизнь заставила основателей Национального корпуса русского языка (в 2007 г.) создать **Обучающий корпус русского языка** – со снятой омонимией, расстановкой ударений и буквы ё) и (в 2008 г.) **Акцентологический корпус** с текстами, несущими информацию о месте ударения, доступными для поиска по месту ударения и просодической структуре слова.

Орфография должна снимать омонимию, а не множить её. Омозоны не должны быть омографами. Тем более *гетерофоны* (различно звучащие формы) типа *р'уки* – *рук'и*, *н'оги* – *ног'и*, *г'оловы* – *голов'ы* не должны быть омографами.

1. Итак, первое требование компьютерной эры – сделать постановку ударения при письме на русском языке обязательной. Это, несомненно, будет способствовать улучшению орфоэпической практики и повышению орфоэпической грамотности. При

¹ «Исконно японские слова составляют группу слов *ваго*, в то время как заимствованные <из китайского языка> слова составляют группу *канго*» [4]. *Канго* – слова, образованные из корней, пришедших в японский язык из китайского вместе с иероглифической письменностью» [5].

² «*Гайрайго* – заимствования, пришедшие в японский язык за последние четыре века, преимущественно из западноевропейских языков» [5].

этом для читающего удобнее, когда знак ударения ставится *перед* ударной гласной, а не *после* неё, как это сделано в НКРЯ³.

2. Вторым условием для успешной и однозначной обработки информации является решение вопроса об употреблении буквы Ё – её употребление должно быть столь же обязательным, как и постановка ударения, поскольку Ё (за редчайшими исключениями, чаще всего – в заимствованных словах) обозначает {Е-ударное}.

3. Третьим важным моментом в приспособлении связи орфографии к требованиям НИТ может быть постановка перевёрнутых вопросительного или восклицательного знаков «j» и «i» в начале предложения. Например, «Он исполнил долг во славу Боевых твоих знамен. jКто еще имеет право Так любить тебя, как он!» (А.Т. Твардовский, «Василий Тёркин. Книга про бойца»); «iКто не спрятался в окопчик, Поминая всех родных, Кто он – свой среди своих – Не зенитчик и не летчик, А герой – не хуже их?» (А.Т. Твардовский, «Василий Тёркин. Книга про бойца») и «Кто вышел в море с кораблем, Кто реет в небе птицей, Кто инженер, кто агроном, Кто воин на границе. По всем путям своей страны, Вдоль городов и пашен, Идут крестьянские сыны, Идут ребята наши» (А.Т. Твардовский, «В посёлке»). Не только компьютер, но и человек должен знать, с какой интонацией синтезировать (читать) предложение (эта пунктуационная практика давно существует у испанцев). При постановке знаков только в конце читающий узнаёт о нужной интонации, когда предложение уже прочитано. Такие ошибки делают даже профессиональные артисты, записывающие аудиокнижки.

Следует ясно и определённо сказать, что *старая орфография, применявшаяся в нашей стране до 1918 года*⁴, в большей мере отвечает запросам НИТ⁵.

4. В качестве четвертого пожелания, на наш взгляд, было бы целесообразно вернуть в алфавит букву ЯТЬ (Ъ-ъ). Это позволит объяснить, почему в слове *хлебопёк* под ударением [o], в слове *дровосёк* – [e]. Почему в *смёл* – [E], а в *смёл* – [O]? Потому что Ё-|O чередуется с Е, но не с ъ. Почему *чистот'ёл*, но *отёл*? Потому что в первом случае под ударением вариант фонемы {ѣ}, во втором – {Е}. При этом заметим, что предложение вернуть в алфавит букву «ять» (Ъ-ъ), представляющую фонему {ѣ}, не предполагает полного возврата к старой орфографии: написание окончаний можно оставить неизменным, если не выяснится, что и здесь введение Ђ наряду с Е приводит к сокращению грамматической омонимии. И тут уместно вспомнить мне-

ние М.В. Ломоносова: «Некоторые покушались истребить букву Ђ из азбуки российской, но сие как невозможно, так и свойствам российского языка противно, ибо ежели без буквы Ђ начать писать, а особливо печатать, то <...> уничтожится различие речений разного наименования, а сходного произношения, напр., *лечу, лететь* от *лѣчу, лѣчить; пеню* имя в винительном от *пѣню, пѣнишь; пенье, пеньевъ* от *пѣнье, пѣнья; пленъ* родительный множественный от именительного *плен'а*, от *плѣн*, то есть *пол'онъ*, которые все и другие многие сими двумя буквами различаются» [6, с. 131–132].

5. Пятое предложение вернуть из старой азбуки в алфавит букву «i» (десятеричное) для обозначения «И»-беглого, например, в слове *один-одиного*, и всегда – в положении перед гласным: *изменение, сомнение, свидание* и т.д. (ср. семантически тождественные варианты: *изменение/измененье, сомнение/сомненье, свидание/свиданье*). Эту же букву целесообразно использовать в суффиксе инфинитива: *нес-т'и – нос'и-ти*. Тогда появится возможность различать на письме существительное *печь* и инфинитив *печи*.

6. Остальные предложения касаются *изменения использования уже имеющихся букв*. Так, по нашему разумению, следует кардинально изменить:

а) употребление буквы «Э»-оборотное, которая сейчас различает всего три случая: *Мэр не принял мер, Сэр не так уж сер* и *оп'эрится* (стать пэром) – *опер'иться* (покрыться перьями). Третий случай сомнительный, потому что обязательность ударения сама по себе устраняет сходство на письме. Тут трудно не вспомнить высказывание М.В. Ломоносова: «Для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело» [6, с. 422]. Стоит ли держать в алфавите букву ради трёх иностранных слов? И так ли уж нужна буква «Э»?

Эта буква, на наш взгляд, нужна, как воздух: она создана специально для различения исконных слов с Е-смягчающим и заимствованных с Э-несмягчающим.

Как понять фразу: «Я не в восторге от этого тоста?». Это говорит технолог хлебо-булочного производства или педагог, проверяющий знания учащихся?

Буква «Э» должна последовательно употребляться после твёрдых согласных, и буква Е – после мягких согласных. В этом случае не составит труда отличить *т'есто* от *т'еста*;

б) написание удвоенных согласных может быть также поставлено на службу различению исконной и заимствованной лексики: в исконной лексике удвоенные согласные возможны только на стыках морфем. Граница между морфемами в исконной лексике проходит между удвоенными согласными. В заимствованной же лексике (*гайраго*) наличие удвоенных согласных можно использовать как сигнал их инородности, чуждости: *коррида, стюардэса*. Например, слово *банка* объединяет 3 омонима: один исконный – «стеклянный или металлический сосуд, обычно цилиндрической формы» и два заимствованных – «доска для сидения гребцов в лодке» и «отдельно лежащая мель». Заимствованные слова можно было бы различить с помощью удвоенных согласных, например, как *баннка* и *банкка* или с помощью удвоенного гласного – *баанка* (в исконных словах зияние возможно только на префиксальном стыке). Если это предложение покажется чрезмерно радикальным, то принцип следует со-

³ Есть и более экономный (но более сложный с точки зрения НИТ) вариант: в рукописном тексте ставить ударение *над* буквой, обозначающей ударный гласный, а в компьютерном тексте ударный гласный можно обозначать *изменением РЕГИСТРА*.

⁴ В эмиграции – значительно дольше.

⁵ Д.С. Лихачёву преимущества старой орфографии были очевидны задолго до наступления компьютерной эры: «8 февраля 1928 года арестован за участие в студенческом кружке "Космическая академия наук", где незадолго до ареста сделал доклад о старой русской орфографии, "попранной и искажённой врагом Церкви Христовой и народа российского"; осуждён на 5 лет за контрреволюционную деятельность» [7].

хранить: во всех случаях колебаний написания заимствованных слов предпочтение следует отдавать варианту с удвоенным написанием.

В 1951–1956 гг. Институт языкознания АН СССР разработал правила международной транслитерации русских собственных имен латинскими буквами, в которых есть интересный момент: Е, Ё, Ю, Я передают два звука: j+e/o/u/a в позициях «в начале слова, после гласных, Ъ, Ь» [8, с. 519]. Это означает, что по крайней мере в данном случае Ъ и Ь, ведут себя, как гласные. Почему же начало слова ведет себя, как гласный? Потому что в речи, как правило, предшествующее слово оканчивается на гласный или Ь-Ь, ведущие себя, как гласные. Поэтому начальные Е, Ё, Ю, Я опять-таки оказываются в речевом потоке перед гласным.

8. По старой орфографии слова, оканчивающиеся сейчас на твердый согласный, писались с Ъ на конце. К этой практике стоит вернуться. С точки зрения НИТ, такое написание удобнее: ср. *был-ъ, был-о, был-а, был-и; бѣл-ъ, бѣл-о, бѣл-а, бѣл-ы*. В данном случае есть материальное обозначение морфемы, которой можно приписать значение мужского рода в единственном числе.

Не только поведение Е – Ё – Ю – Я свидетельствует о вокалической природе Ъ и Ь. Приборы показывают, что в конце слов, оканчивающихся на согласный, мы произносим гласный звук, независимо от того, слышим, а точнее замечаем, его или нет [9; 10, с. 151]. Исследования статистической структуры связного текста, проведенные Ю.К. Крыловым, свидетельствуют, что пробел ведет себя, как гласный [11, с. 113–114]. До реформы 1918 года у Ъ была своя функция, а у пробела – своя. Пробел обозначал границу между словами. С отменой Ъ в конце слова пробел стал выполнять две функции: гласного и границы между словами. Иными словами, символ пробела стал омонимичным, что противоречит требованиям НИТ. Думается, даже будучи незаметным, этот гласный звук выполняет свою работу: Ъ обеспечивает сохранение согласного в конце слова, а Ь не только сохраняет конечный согласный слова, но ещё и смягчает его.

Например, как объяснить, что форма *времён* (Р.п. мн.ч. от *время*) имеет основу с суффиксом = *мен*, а форма *время* (И.п. ед.ч.) имеет не –*мен*, а –*мя*? Всё дело в том, что форма *временЪ* имеет своего «ангела-хранителя» – конечный гласный Ъ, а форма *время* не имеет, поэтому конечный согласный утрачивается, оставляя гласному на память о себе носовой тембр: –*мен* > –*ме*^н = –*мѣ* = –*мѣ* > –*мя*.

Какие же гласные обозначали (и продолжают обозначать) буквы Ъ и Ь? О-беглый и Е-беглый. Теоретически эти фонемы в 1967 году открыл в русском языке профессор В.Г. Руделёв [2, с. 14–83]. Фонема – это не звук (пусть даже в абсолютно сильной позиции), а образ жизни, т.е. позиционный ряд звуков, объединенных тождеством *внутренней* позиции (в морфеме) и различием *внешней* позиции по отношению к ударению, соседним звукам, границам слова или другим морфемам.

Когда {Ь}, реализуемый нулём звука, чередуется с Е – И (*со-бир(а)-ш-ть* – *со-бер-у* – *со-бир-а-ть*), а {Ъ} – с О – Ы (*на-зш* – *Филологические науки а-ть*), их можно обнаружить внутренней реконструкцией – с опорой на факты русского же языка.

Например, как будет Р. ед. слова *пос'ол* – *посл'а* или *пос'ола*? Оба решения правильны, поскольку под ударением в слове *посол* происходит нейтрали-

зация двух разных фонем: О-беглого – *пос'ла* и О-небеглого – *пос'ола*. Если мы О-беглое будем обозначать буквой «Ъ», то эта омонимия исчезнет: *пос'ълъ* – *пос'ла*, но *пос'ол* – *пос'ола*. Более того, мы сможем объяснять детям и иностранцам, почему *ход'окъ* – *ходок'ами*, а *год'ъкъ* – *годѣк'ами*, почему *т'ень* – *тен'ями*, а *д'ънь* – *дѣн'ями*. И, разумеется, при этом мы выполним требование НИТ.

При этом буквой «Ё» целесообразно обозначать только Е-небеглое, а в случае *пѣс* – *пса*, писать *п'ѣсъ* – *пѣса* и, соответственно, *п'ѣсик*.

В исконных словах последовательности *топт* – *толт* целесообразно писать как *тѣпт* – *тѣлт*: *гѣрбѣ, кѣрмѣ, хѣлст, вѣлкѣ*, а последовательности *тепт* – *телт* – как *тѣпт* – *тѣлт*: *пѣрстѣ, вѣрхѣ, чѣлн'ок*. Ведь если бы в этих позициях были фонемы {О} и {Е}, то они дали бы полногласные (восточнославянские) варианты: *гороб, *кором, *холост, *волоок, *перест, *верех, *чѣлон/*чѣлен* или неполногласные (южнославянские): *граб, *крам, *хласт, *влак, *пѣст, *вѣрѣх, *чѣлѣн. Как видим, некоторые из синтезированных слов совпадают с реальными словами, имеющими {О} или {Е} в корне.

При коллизии между внутренней и внешней реконструкцией считаем целесообразным принимать сторону внутренней реконструкции: писать *л'ѣвъ* (*лев*) – *лѣв'а*, *л'ѣдѣ* (*лѣд*) – *лѣд'а*. Следует принимать во внимание и имя собственное: *Лѣва*, *Лѣвушка*, для которого будет логичным написание *Лѣва*, *Лѣвушка*.

Старая орфография была хороша ещё и тем, что последовательно проводила принцип единообразного написания предлогов и приставок⁶.

В большинстве приставок не отражается позиционное озвончение глухого согласного или оглушение звонкого. Сравним: *От-резать* и *От-бить* (не *одбить, как мы произносим), *Под-лить* и *Под-пилить* (не *подпилить, как мы произносим), *Сре-затъ* и *Сбить* (не *Збить, как произносится), но *ВОЗнести* – *ВОСпылать*, *РАЗрезать* – *РАСПилить*, *ИЗлить* – *ИСТечь*. К эти приставкам можно добавить ещё БЕЗ-/БЕС-, РОЗ-/РОС- и ЧЕРЕЗ-/ЧЕРЕС-.

Тут орфография, отступая от морфемного принципа в пользу фонетического, множит формы одной и той же сущности, создавая асимметрию синонимического типа. Рекорд в этом отношении принадлежит приставке ВЗ- (*взбить*) / ВЗО- (*взорвать*) / ВЗЪ- (*взвезд*) / ВОЗ- (*возврат*) / ВОЗО- (*возомнить*) / ВОС- (*воспеть*) / ВС- (*всплыть*) с 7-ью (!) вариантами написания, хотя легко можно обойтись одним: *ВЪЗЪ-*. В целом, по данным *Гуманитарные науки* [12, с. 576], 16 русских приставок имеют 53 варианта написания.

9. Эту вариантность можно значительно снизить, отказавшись от фонетического принципа написания приставок и используя букву «Ъ» для обозначения

⁶ «Слитные предлоги должны в сложении удерживать свои прежние согласные, невзирая на мягкость [т.е. звонкость – А.К.] или твердость [т.е. глухость – А.К.] следующая согласная. Посему должно писать: *втекаю, обхожу, подтираю, отдыхаю*, а не так, как выговариваются и как некоторые в правописании требуют: *фтекаю, опхожу, поттираю, оддыхаю*, что весьма странно и противно способности легкого чтения и распознавания сложных от простых» [6, с. 434].

фонемы «О-беглое»: *бѣзѣ, вѣ, вѣзѣ, изѣ, кѣ, надѣ, об(ѣ), отѣ, подѣ, предѣ, разѣ, розѣ, сѣ, черезѣ*.

10. Не соответствует требованиям НИТ и правилу, утверждающее написание ТЧ, ДЧ, СЧ, ЗЧ вместо ТЩ, ДЩ, СЩ, ЗЩ. Оно приводит к различным формам сходного и сходным формам различного.

Например, из словосочетания *деревенск(ий писатель)* прибавлением компрессивного суффикса =ик образуется слово *деревенщик* с тем же значением: перед =И на суффиксальной стыке СК= реализуется в виде Щ=: *деревенСК=ик > деревенЩ=ик. От словосочетания *конторск(ий работник)* – *конторицик*. От словосочетания *типографск(ий работник)* – *типографицик*. От *сельсоветск(ий работник)* должно быть *сельсоветчицик, но норма вместо ТЩ предлагает писать ТЧ: *сельсоветчицик*. Соответственно, словосочетание *кабинетск(ий работник)* должно бы дать *кабинетчицик, но нам велит писать *кабинетчицик*. Аналогично через Щ следовало бы писать слова: *лѣтчицик, грузчицик, датчицик, наладчицик* и т.п. Существующая практика порочна не только потому, что приписывает одной морфеме две формы, порождая синонимическую асимметрию морфем, но и потому, что попутно она множит асимметрию омонимическую.

Сравним слова *балаганицик* 'участник театрального представления на гуляниях' и *балаганчицик* 'уменьш.-ласкат. от *балаган*'. Деривационная история и семантика этих слов различна: *балаган* > *балаганск(ий артист)* (ср. *Балаганский* уезд Иркутской губернии - НКРЯ) > *балаганицик; балаган* > *балаганец* 'шалаш' [13, с. 67] > *балаганчицик*. Аналогично различна история и семантика слов: *трактирицик* – *трактирчицик, барабаницик* – *барабанчицик, амбарчицик* – *амбарчицик (трактир* > *трактирск(ий хозяин)* ⁷ > *трактирицик, трактир* > *трактирец* > *трактирчицик; барабан* > *барабанск(ий музыкант)* ⁸ > *барабаницик; барабан* > *барабанец* > *барабанчицик; амбар* > *амбарск(ий хозяин)* > *амбарчицик* ⁹; *амбар* > *амбарец* > *амбарчицик*. Во всех этих случаях =ицик является сочетанием суффиксов =ѣск=ик, в =ѣик – =ѣк=ик. Когда же вместо =ик нам предлагают писать =чицик, то тем самым ставят в соответствие последовательности =чицик не только сочетание =ѣк=ик, но и =ѣск=ик.

Подобных непоследовательностей в нашей орфографии немало. Например, почему прилагательное от *разведчик* следует писать как *разведчицик* [14, т. 22, с. 199]¹⁰, а от *переводчик* – *переводческий*? Да просто в 1782-ом году надворный советник Иван

Иванович Нордстет в своём «Российском, с немецким и французским переводами словаре» решил, что если от *полководец* прилагательное *полководческий*, то от однокоренного слова *переводчик* должно быть *переводческий*¹¹. Между тем, не греша против строя русского языка, форму *переводческий* можно вывести только из слова *переводец* 'уменьш.-ласкат. к *перевод*' [14, т. 16, с. 30], но никак не от *переводчицик*. Прилагательным от *переводчицик* должно быть *переводчицикский*¹², и ещё лучше – *переводчицикский*. Соответственно, прилагательное от *разведчик* должно бы быть *разведчицикский*.

11. ЖИ – ШИ – ЦИ целесообразно всегда писать через И. Зачем сохранять исключение, в соответствии с которым «*Циганъ на ципочкахъ ципленку цицъ сказ'алъ*»?

12. Проклитики и энклитики предлагается писать отдельно (если слово без проклитики употребляется): *не злой, не досуг, не истовый* или через дефис (если слово без проклитики не употребляют): *не-нав'идеть, не-лзя, не-дуг, не-забудка, не-йти, не-имо-верный*. Если проклитика втягивает внутрь слова, её можно писать с двумя дефисами: *вѣзѣ-не-нав'идеть*. Такое написание имеет то преимущество, что позволяет формулировать правила поведения Ъ в приставке.

13. Проведению морфологического (точнее – морфематического) принципа орфографии противоречит сугубо синтаксическое в своей основе требование писать *жареНая картошка*, но *картошка, жаренНая поваром на масле*. В первом случае мы имеем дело с тем же страдательным причастием прошедшего времени, пусть и адъективированным. Прилагательные образуются иным способом и посредством иных морфем. Любое слово может выступать в нетипичной для него позиции, но мы не различаем синтаксических функций изменением написания. Почему в данном конкретном случае делать исключение, непонятно. Поэтому полные причастия, независимо от их синтаксической позиции, целесообразно всегда писать с двумя НН. Учитывая беглость «Е» в этом суффиксе: *желать* – *желанный* – *желанен*, его следовало бы писать =НЬН: *жаренный*.

⁷ Ср. *Ходил по берегу Великой реки, выпивши бутылку крепкого трактирского пива, которое меня порядочно разобало.* [И.И. Лапин. *Дневник (1822)*]; *...мы с ним некогда в холодном номере один горшок щей трактирских ели...* [Михаил Веллер. *Карьера в Никуда (1988)*] – НКРЯ.

⁸ *Доложили капельмейстеру, бухнул он с досады в турецкий барабан колотушкой, чуть шкуру не прорвал. – Чепуха на барабанском масле! Голые потемки разве сами разо-варивать могут?* [Саха Черный. *Солдатские сказки/ Лебединая прохлада (1932)*] – НКРЯ.

⁹ *Амбарчицик, юркий мужичонка, норвил обсчитать, под-сунуть чего потухлее.* [Ю.П. Герман. *Россия молодая. Часть вторая (1952)*] – НКРЯ.

¹⁰ – *Честное батареиское. – И честное разведчицикое? – Это само собой понятно, – сказал Биденко, хмурясь, что-бы не улыбиться.* [В.П. Катаев. *Сын полка (1944)*] – НКРЯ.

¹¹ Было бы неверно винить во всём исключительно И.И. Нордстета. Самое раннее употребление формы *переводческий* находим в трудах М.В. Ломоносова: «*8 Переводческая экспедиция.* [М.В. Ломоносов. *Записка о необходимости преобразования Академии наук (1758–1759)*] – НКРЯ. Но и тут неясно, кому мы обязаны таким написанием: самому М.В. Ломоносову или издателям его Полного собрания сочинений 1950–1983 гг., которые пишут: «Произведения печатаются по новой орфографии с заменой пунктуации Ломоносова современной пунктуацией, но с сохранением, по возможности, всех особенностей, присутствующих в языке Ломоносова». Остаётся гадать, что в нашем случае победило: «новая орфография» или «особенности, присущие языку Ломоносова».

¹² Справедливости ради отметим, что на 207 вхождений интересующего нас слова в НКРЯ нашлось два, авторы которых предпочитают следовать духу языка, а не букве орфографии. Это К.И. Чуковский и А.Н. Архангельский: *Но это плохо полагает, и весь переводчицик цех по-прежнему остается разбойничьим.* [К.И. Чуковский. «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» (1925–1926)]; *...бдительные чекисты сторожили двери переводчицикой.* [А. Архангельский. «1962». *Послание к Тимофею (2006)*] – НКРЯ. В Интернете таких написаний значительно больше.

На наш взгляд, если мы не хотим резать по живому (*печ-ь/печ-ь, проц-а-ть, о-свещ-а-ть*), то членить слова на морфем *Филологические науки*ческой (=фонематической) транскрипции (ср. в качестве примера Морфемно-морфологический словарь языка А.С. Пушкина [15], в котором реализован такой подход).

Стратегия русской орфографии должна состоять в предельной минимизации *омографов* (сходных

написаний разных морфем) и *гетерографов* (различных написаний одной морфемы).

В приложении (см. ниже) дан пример текста в предлагаемой орфографии.

Реализация данных рекомендаций, по нашему глубокому убеждению, позволит русской орфографии ответить на вызовы компьютерной эры и поможет обеспечить русскому языку, русской культуре и народам России достойное будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Словарь иностранных слов. – (<http://poiskslov.com/word/%D1%8D%D1%80%D0%B0/>).
2. Руделёв В.Г. Собр. соч. : в 6 т./ В.Г. Руделёв. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Т. 6. – Ч. 1. – 183 с.
3. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию/ И.А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I–II.
4. Японский язык. – (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
5. Алпатов В.М. Япония: язык и общество/ В.М. Алпатов. – М. : Муравей, 2003. – (<http://shounen.ru/nihon/lang-soc.shtml#p04>).
6. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / М.В. Ломоносов // Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. – 997 с.
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990.
9. Вийтсо Т.-Р. Об одной возможности описания фонологии русского языка / Т.-Р. Вийтсо // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. – Тарту, 1963. – Вып. 139. – С. 405–409.
10. Речь. Артикуляция и восприятие/ Л.А. Чистович [др.]. – М.; Л. : Наука, 1965. – 242 с.
11. Крылов Ю.К. Hurst's Law as a Universal Law of Quantative Linguistics of a Coherent Text / Ю.К. Крылов // II Международная конференция по квантитативной лингвистике. 20–24 ноября 1994 года. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1994. – С. 113–114.
12. Кузнецова А.И. Словарь морфем русского языка / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 1986. – 1136 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2008. – Вып. 1.
14. Большой академический словарь русского языка ИЛИ РАН. – СПб., 2004–2012. – Т. 1–22.
15. Кретов А.А. Морфемно-морфологический словарь языка А.С. Пушкина: ок. 23.000 слов/ А.А. Кретов, Л.Н. Матыцина. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1999. – 208 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример применения предлагаемого варианта орфографии

И.А. Бунинъ

ВЪЛКИ

Тьм'а тёплой 'августовской н'очи, 'еле видн'ы т'усклые звёзды, кое-гд'е мърцающ'ие въ 'облачномъ н'ебе. М'ягкая, не слышная отъ глубокой п'ыли доро'га въ п'оле, по кот'орой к'атитъ ся тел'ежка съ двум'я молод'ыми с'ѣдок'ами – м'ѣлько-пом'ѣстной б'арышней и 'юношей-гимназ'истом. П'асмурные зар'яницы освѣщають иногд'а п'ару ровно б'ѣгущихъ раб'очихъ лошадей съ с'ѣпутанными гр'ивами, въ прост'ой 'упряжи, и карт'узъ и пл'ечи м'алого въ зам'ашной руб'ахе на к'озлахъ, на мгнов'ение отъ-крыв'аютъ въ-перед'и пол'я, опуст'евшие п'осле раб'очей пор'ы, и д'альний печ'альный лѣсок'. В'чер'а в'черомъ на дер'евне былъ шумъ, крикъ, трусливый лай и в'изгъ соб'ак': съ удивительной д'ѣрзостью, когд'а по избамъ уж'е ужинали, в'ѣлкъ зар'язалъ въ одиномъ двор'е ов'цу и ед'ва не унёс' её – в'о-время в'ыскочили на соб'ачий гамъ мужик'и съ дуб'инами и от'б'или её, уж'е окол'ѣвшую, съ раз'ѣрваннымъ б'окомъ. Теп'ерь б'арышня н'ервно хох'очетъ, зажиг'аетъ и брос'аетъ въ тьмоту сп'ички, в'есело крич'а:

– |Вѣлк'овъ бо'юсь!

Сп'ички освѣщають удлинённое, грубов'атое лиц'о 'юноши и её възбуждённое широко-ск'улое личико. Он'а кр'угло, по-мало-р'усьски, пов'язана

кр'аснымъ плат'очкомъ, своб'одный в'ѣрѣзъ кр'асного с'итьцевого плат'я отъкрыв'аетъ её кр'углую, кр'ѣпкую ш'ею. Кач'ая съ на б'ѣгу тел'ежки, он'а жж'ётъ и брос'аетъ въ тьмоту сп'ички, б'удто не замѣч'ая, что гимназ'истъ об'ним'аетъ её и цел'уетъ то въ ш'ею, то въ щѣку, 'ищетъ её г'убы. Он'а от'двиг'аетъ ег'о л'октемъ, онъ нам'ѣренно гр'омько и пр'осто, им'ея въ вид'у м'алого на к'озлахъ, говоритъ ей:

– Отгд'айте сп'ички. Мьн'е закур'ить н'ѣ-чемъ б'удетъ.

– |Сей-ч'ась, сей-ч'ась! – крич'ить он'а, и оп'ять възп'ыхиваетъ сп'ичка, по-т'ом зар'яница, и тьм'а ещѣ г'уще слѣп'ить тёплой ч'ернот'ой, въ кот'орой всё к'ажетъ ся, что тел'ежка к'атитъ ся на-з'ад. На-кон'ѣцъ он'а уступ'аетъ ем'у д'ѣлгимъ по-цел'уемъ въ г'убы, какъ в'д. Гуманитарные науки мотн'увъ ихъ об'оихъ, тел'ежка т'очно натык'аетъ ся на чт'о-то – м'алый кр'уто ос'аживаетъ лошадей.

– |Вѣлки! – възкр'иваетъ онъ.

Въ глаз'а бьѣтъ з'арево пожара въ-дал'и на-пр'аво. Тел'ежка сто'итъ пр'отивъ тог'о лѣск'а, что отъкрыв'алъ ся при зар'ницахъ. Лѣск'къ отъ з'арева ст'алъ теп'ерь ч'ѣрнымъ и в'ьсь з'ыбко дрожитъ, какъ дрожитъ и всё п'оле передъ н'имъ въ с'умрачно-кр'асномъ тр'епете отъ тог'о ж'адно нес'ущего ся въ н'ебе пламени, кот'орое, не смотр'я

на д'аль, полых'аетъ съ бѣгущими въ нёмъ тен'ями д'ыма т'очно въ вѣрст'е отъ тел'ежки, разъяр'яетъ ся всё жарче и грозн'ее, охватываетъ горизонтъ всё в'ыше и ш'ире, – к'ажетъ ся, что жаръ ег'о уж'е дох'одитъ до лица, до р'укъ, в'идн'ъ д'аже надъ ч'ёрнот'ой земл'и кр'асный переплѣтъ как'ой-то с'горѣвшей кр'ыши. А подъ стѣн'ой лѣса сто'ять, багр'ово сѣре'я, три больш'ихъ в'ѣлка, и въ глаз'ахъ у нихъ мельк'аетъ то сквозн'ой зелѣный блѣскъ, то кр'асный, – прозр'ачный и яр'кий, какъ гор'ячий сир'опъ вар'енья изъ кр'асной смор'одины. И л'ошади, шумно възх'рапн'увъ, вдругъ д'икимъ гал'опомъ удар'яютъ въ-бокъ, в'лѣво, по п'ашне, м'а-----
• Филологические науки
на-з'адъ, а тел'ежка, съ стук'омъ и тр'ескомъ, мот'аясь, бѣтъ ся по възмѣтамъ...

Гдѣ-то надъ оврагомъ л'ошади ещё разъ възмѣтн'ули съ, но он'а, възкочивъ, успѣла в'ырвать в'ожжи изъ р'укъ ошалѣвшего м'алого. Тутъ он'а съ разм'аху полет'ела въ к'озлы и

разсѣкл'а щѣку объ чт'о-то желѣзное. Такъ и ост'алъ ся на всю жизнь лёгкий шрамъ въ уголк'е её губъ, и, когд'а у ней възпрашивали, отъ-чег'о 'это, он'а съ удов'ольствіемъ улыба'ла съ:

– Дел'а давн'о мин'увшихъ д'ней! – говор'ила он'а, възпомин'ая то д'авнее лѣто, 'августовскіе сух'іе д'ни и тѣмные н'очи, молотб'у на гумн'е, ометы н'овой пах'учей сол'омы и не бритого гимназ'иста, съ кот'орымъ он'а леж'ала въ нихъ вечерами, глядя на яр'ко-мгнов'енные д'уги падающихъ звѣздъ. – В'ѣлки изъпуг'али, л'ошади понесл'и, – говор'ила он'а. – А я был'а гор'ячая, отч'аянная, бр'осила съ остан'авливать их...

Те, ког'о он'а ещё не разъ люб'ила въ жизни, говор'или, что нѣтъ ни-чег'о мил'ее 'этого шрама, пох'ожего на тонкую посто'янную улыбку.